

Раксен неожиданно остановился, втянул воздух и еле слышно зарычал. Впрочем, Лионза уже давно видела стаю ворон, что кружила над возвышенностью. Она тихонько коснулась пяткой Раксена, побуждая двигаться дальше. Но он и не думал сдвинуться с места.

— Там опасно — тихо сказал он.

Лионза почесала его ухом.

— Там никого нет. Кроме мертвых.

И она указала зверю на кружащих падальщиков. Леопард недовольно заворчал.

— Я тебя прекрасно понимаю — сказала Лионза, — мне тоже не нравится эта страна. Но у нас есть приказ и его нужно исполнить. Давай сделаем это побыстрее и вернемся в наш замок к твоему любимому камину.

Но Раксена уже было не остановить. Одной из издержек путешествий с ним это его постоянное нытье и жалобы. Не хищник, а какая-то кошка.

— Зачем вообще это всё? — спросил он, — что тебе мешает вернуться в замок, послать братство подальше и жить как нормальные люди?

— Потому, что я не нормальный человек. И вообще не человек.

Леопард скептически фыркнул. Но в любом случае надо было идти. Они, соблюдая осторожность, поднялись по горной тропе, ведущей в деревню. Чем ближе они подходили, тем сильнее становился запах гари. Как и предсказывала Лионза, здесь все были мертвы, от самой деревни остались только обгоревшие дома с провалившимися крышами. Лионза больше всего на свете не любила смерть. Жизнь, пусть даже самая незавидная и мучительная казалась ей величайшим благом, лучшим даром, что дали Творцы сущим. Ведь жизнь — это всегда шанс что-то изменить, а когда ты мертв, то уже не властен даже сдвинуть пылинку. Может быть поэтому, она до сих пор в братстве несмотря на ненависть к ней? Пока она служит свету, всегда есть шанс помочь кому-то избежать смерти. Но в этих проклятых Железных Горах смерти было больше, чем нужно. Здесь добывается больше всего железа в мире. Может поэтому, в этих горах идет постоянная война всех со всеми?

Они шли через деревню, и Лионза старалась не смотреть на изуродованные трупы. Раксен снова остановился и беззвучно обнажил клыки. Лионза вскочила с его спины, положила руку на пояс. Пояс у неё был не простой. Это был гибкий меч урум, что оборачивался вокруг талии, закрепляясь замочком. Стоило его расстегнуть и в руках суккуба оказывалось грозное оружие, совмещающее в себе преимущества меча и хлыста. Звуки, что привлекли внимание, леопарда доносились из единственного каменного, потому сохранившегося здания в деревне — общего амбара. Он тоже пострадал от огня, камни почернели, кое-где были трещины и дыры в стенах. Через одну из таких дыр Лионза увидела нескольких воинов в высоких шлемах. Монги, самый воинственный и отморозенный из местных народов. С ними была женщина, с мешком на голове. Один воин удерживал её за руки, второй, приподняв за обнаженные бедра, с силой вгонял ей член между ног. Третий, видимо, готовился быть следующим. Он уже достал свой отросток и мял его рукой. Женщина не издавала ни звука, только вздрагивала всем телом при каждой фрикции. Насиловавший её монг надсадно кряхтел, словно рубил дрова топором.

Конечно, Лионза была суккубом, но это зрелище не вызвало у неё приятного волнения,

которое она испытывала при виде подобного. Вид секса приносил ей удовольствие, только если нравился всем участникам процесса. Лионза отстегнула урум и прыгнула в провал. Бой был недолгим. Монги не ожидали атаки, один даже не успел натянуть штаны. Удары гибкого лезвия обезоружили их, а вид красной демоницы и хищной кошки, которые возникли словно ниоткуда, испугал. С криками монги бросились прочь. Лионза склонилась к женщине. Она сняла с головы мешок и беззвучно плакала, закрыв лицо руками. У суккуба самой подошел ком к горлу. Она погладила несчастную по плечам.

— Ну что ты... — мягко сказала она, — не плачь. Ты жива, и это главное. Не плачь... Все кончилось.

Женщина затихла, опустила руки, и Лионза сама едва не закричала. У женщины не было носа. На его месте было окровавленное отверстие. Она беззвучно открывала рот и в нем вместо языка был лишь небольшой обрубок. Зачем, зачем так уродовать? Откуда это стремление к бездумному разрушению, к боли и смерти? Лионза этого не понимала. Женщина смотрела на Лионзу, словно укоряла её в случившемся, потом вздохнула и затихла. С серого неба срывались мелкие колючие снежинки.

Уже начало смеркаться, когда показались стены монастыря. Снег уже валил большими хлопьями, окружал путников белой холодной пеленой. Лионза и Раксен, поднимаясь к монастырю по крутой горной тропе, угрюмо молчали. Она хотела похоронить мертвых в той злосчастной деревне, но даже на это не было времени. Набеги монгов это проблема местного герцога-хоу. А Лионзе, рыцарю-драконьеру поручено разобраться с другим, не менее жестоким врагом. Она хотела зарыться лицом в шкуру Раксена и горько плакать. Но надо было идти, добраться до цели хотя бы к темноте. И как знать, может быть хоть здесь она успеет, уберезет живых от нечисти. Какое отвратительное место. Днем здесь хозяйничают монги, а ночью оборотни-людоеды. Они взяли в осаду горный монастырь. Каждую ночь эти твари кружили вокруг святой обители, и только молитва помогала их сдержать. Хорошо, что весть об этом дошла к хоу, и он связался с ближайшим командором братства. А командор в свою очередь отрядил разобраться с проблемой ближайшего брата-драконьера. Точнее, сестру. Сестру Лионзу Луане, раз уж она оказалась в этих местах, на обратном пути с Запада. Лионза подняла массивное бронзовое кольцо на воротах и постучала. Раксена она благоразумно превратила в шкуру и накинула на плечи. Кольцо при ударе о дерево издавало гулкие звуки. Ответом была тишина. Монастырь вообще выглядел мертвым, в темной каменной громаде не светилось ни одного огонька. Неужели, опоздала? Лионза постучала снова. Тихо. Но Лионза почувствовала на себе чей-то взгляд. Кто-то наблюдал за ней из-за стен.

— Эй! — крикнула Лионза, — я ищу ночлега! Мне много не надо, достаточно просто крыши над головой. Святые отцы, пустите несчастную путницу!

Послышалось тихое шуршание. Ворота заскрипели и открылись. За ним стоял монах в капюшоне, опущенном на лицо.

— Здравствуйте! — сказала Лионза, — не пустите ли меня...

Монах смотрел на неё из-под капюшона, потом медленно кивнул. Лионза вошла внутрь, монах закрыл ворота, опустив изнутри тяжелый запор. Было темно, даже в башне-святылище. Странно, там огни не должны гаснуть никогда. Они прошли через двор, зашли в длинное здание, предназначенное монахам для жилья. Лионза положила руку на рукоять своего

пояса-меча. Слишком все тут нечисто. Но она опытный боец и маг. С кучкой оборотней точно справится. По длинному коридору они зашли в большой молитвенный зал. Тут царил полумрак. Все было перетянато каким-то украшениями и гирляндами, с потолка свисали большие мешки. Что тут происходит? Лионза коснулась рукой серебряного амулета в виде двуглавого дракона. Она собралась произнести молитву священного света. Если это ловушка, подготовленная нечистью, их ждет неприятный ослепляющий сюрприз.

Но не успела она произнести первого слова, как раздался свист. Что-то сорвало амулет ей с шеи. Лионза резко сняла с пояса урум, но снова свист и вокруг её кисти оплелся шелковый шнур. Ещё свист, и такой же шнур оплел вторую руку. Лионза рубанула мечом, но шнур оказался неожиданно прочным. Кто-то дернул за шнуры, Лионза подняла руки вверх, словно безвольная марионетка, движимая невидимым кукловодом. Поворот шнура вывернул ей кисть и она уронила меч. Она подпрыгнула, кувыркнулась в воздухе, надеясь развязаться, однако новые шнуры оплели ноги. Что тут происходит? Монах, что шел впереди, откинул капюшон с лица. Лионза увидела женщину с миндалевидными глазами, темными волосами, уложенными в тугой пучок, украшенный шелковыми лентами. Она криво улыбалась, глаза же были холодны, словно две ледышки. Сбоку так же плавно подходили ещё две девушки с такими прическами, только одетые не в монашеские робы, а блестящие платья. Одна в черное, другая в фиолетовое.

— Кто вы такие? — спросила Лионза.

— Это не важно... — ответила та, что заманила её в ловушку, видимо среди них старшая, — важно, кто ты...

— Я надеялась получить здесь крышу над головой...

— Добро пожаловать! — сказала девушка в фиолетовом платье и вся троица рассмеялась неприятным смехом.

— Дочки, вы голодны? — спросила старшая.

— Нет! — ответила девушка в фиолетовом.

— Нет, мамочка! — отозвалась в черном платье, — у нас уже был сегодня славный пир. Эти монахи такие жирные...

— Я в твоём возрасте много ела — сказала мамаша, — это важно для здоровья потомства!

— Мам... — капризно протянула дочь в черном, — в меня сегодня не вольешь и глоточка!

— Ладно, пусть повисит до завтра — сказала мамаша.

Пока они болтали, Лионза быстро прокручивала в голове все варианты дальнейших действий. Амулет отлетел довольно далеко, значит молитва света не подействует. Раксен у неё на плечах. Но нужно дотянуться до его уха, только тогда заклинание сработает. А это проблематично в её положении. Может, воспользоваться магией суккуба?

— Девочки... — сказала она томно, — ваши шелковые шнуры так возбуждают...

Девочки быстро переглянулись между собой.

— Так приятно касаются кожи... Знаете, в Кра-Акене часто практикуют такие вещи. Очень утонченно.

Тут было не важно, что она говорила, весь секрет был в тембре её голоса. Эти вибрации вызывали волнение и дрожь практически у любого живого существа в этом мире. Перед суккубом сложно устоять. Мамаша облизнула пересохшие губы и ещё раз посмотрела на дочерей. Те заворожено смотрели на Лионзу.

— Мам... — сказала дочь в черном, — я хочу поиграть...

— Я тоже — сказала вторая девушка. Она начала массировать свою грудь сквозь платье. Мамаша подошла к Лионзе. Взяла рукой её за щеку. Большой палец с острым ногтем заскользил по карминовым губам суккуба.

— А ты, красненькая, знаешь толк в развлечениях... — сказала она низким, дрожащим от похоти, голосом. Она взмахнула рукой, шнуры связавшие руки Лионзы, натянулись как струна. Суккуб была вынуждена привстать на цыпочки. Мамаша провела языком по её щеке. — Какая сладкая нам попалась муха...

Муха? Так Лионзу называли впервые. А уж она слышала на своем веку немало странных прозвищ. Она почувствовала, что тоже возбуждается. Мамаша резким движением сбросила с неё Раксена, а потом высвободила груди Лионзы из-под одежды. Чужие мысли трех оборотней пульсировали в голове Лионзы, но не давали ей ответа, с кем же она имеет дело. Мамаша впиалась в её левый сосок, Лионза даже вскрикнула от резкой боли. Тем временем дочки уже стянули с суккуба сапоги и дорожные штаны. Та, что справа, щекотно ласкала языком её ступню, та, что слева целовала ногу, поднимаясь все выше. Мамаша никак не могла оторваться от груди суккуба, она глухо постанывала, вбирая губами то один, то второй сосок Лионзы. Рука её скользнула ниже, к паху. Лионза, вся дрожащая от возбуждения и ласк почувствовала, как теплеет у неё внизу живота, как возникает, растёт её член. Мамаша резким движением схватила его.

— Ого, девочки! Смотрите, какой сюрприз!

— И не один! — сказала девушка в черном, засовывая в вагину Лионзы палец.

Мамаша плотоядно улыбнулась, а потом неожиданно выпустила откуда-то из запястья ещё один шнур. Со свистом он обвил напрягшийся фаллос Лионзы. Мамаша приподняла руку и член приподнялся следом.

— А в твоём Кра-Акене делают так? — спросила она, криво улыбнувшись.

— Нет... — простонала Лионза.

Мамаша засмеялась, откинув голову назад, натянула шнур. Нежная и прохладная ткань заскользила по красному члену суккуба, вызывая ни с чем не сравнимое наслаждение. Оно пробирало её всю, от волос на голове до самых кончиков пальцев на ногах. Мамаша издала горловой звук, и неожиданно на высоком открытом лбу появилось ещё четыре небольших глаза. Но Лионза уже прочла их мысли на несколько мгновений раньше. Паучихи. Семейство паучих, ядовитых, ненасытных, как в еде, так и сексе. С такими будет сложно справиться в одиночку даже ей. Шнур вокруг её члена сжался, потом чуть ослаб. Лионзу снова пронзило нестерпимое наслаждение. Черная паучиха тем временем большим пальцем гладила клитор суккуба. Фиолетовая зашла сзади, встала на колени перед её ягодицами и языком раздвинула колечко ануса. Последний раз Лионза занималась сексом на горном перевале с йети. В ней ещё было его семя, и она уже готова была извергнуться им в сильнейшем за последние несколько лет оргазме. Но опытная мать-паучиха снова сжала шнур вокруг члена, не давая ей разрядиться.

— Мы только начали, мушка — сказала она, оскалив острые клыки.

Лионза застонала от боли, головка набухла и немного посинела. Черная паучиха продолжала орудовать пальцем, а фиолетовая языком. Потому, невозможность разрядиться казалась ещё более нестерпимой. Дочки-паучихи прекратили свои игры и отошли по правую и левую стороны от неё. Они приподняли шнуры, что стягивали ноги Лионзы так, что она приподнялась над полом, повисла в сидячем положении. Мать-паучиха избавилась от

монашеской робы, полностью обнажившись. У неё было пышное аппетитное тело 40-летней женщины, большая грудь с набухшими сосками розово-фиолетового оттенка, небольшой животик, большие ягодицы. Ногти на ногах были темные, будто покрытые лаком и заостренные. Очень красивая зрелая женщина. Если бы не лишние глаза на лбу. И не лишние пары рук. Она распрямила нижнюю пару и выпустила ещё несколько шнуров. Они образовали нечто вроде качелей, на которые она уселась. Она двинула бедрами, направляя качели к Лионзе. Через мгновение она насадилась на её член горячим жадным зевом своего влагалища. Когда Лионза вошла в неё полностью, паучиха издала надсадный кряхтящий звук, словно тот монг-насилник. Черная паучиха выпустила ещё один шнур и он обвил горло Лионзы. Фиолетовая пропустила шнур так, чтобы о него терся клитор красной волшебницы. Мать-паучиха оттолкнулась назад, и через мгновение колебание снова принесло её к Лионзе, она снова схватила член жадными половыми губами. Лионза не помнила, сколько это продолжалось. Нестерпимое прикосновение шелка к телу, горячий охват её головки и две петли вокруг шеи и члена, которые попеременно ритмично сжимались, в момент когда она достигала глубины паучихи, вызывая головокружение и острое наслаждение. Когда же они устанут? Лионзе даже с ограми было легче. Паучихи все трахали и трахали её, шнур вокруг шеи с каждым разом затягивался все сильнее, оставляя на ней синий след. Мамаша уже перестала играть в качели, она оседлала Лионзу своими широкими бедрами, яростно вгоняя фаллос в себя. Рот её был приоткрыт, с клыков на обнаженную грудь суккуба капала ядовитая слюна. Шнур затянулся так, что Лионза выпучила глаза, и почувствовала острую боль в груди. Нет, они сейчас убьют её! Член яростно пульсировал, требуя разрядки. Мамаша двигалась все ожесточенней, клыками она почти касалась шеи Лионзы.

Луанийка закрыла глаза. На мгновение она увидела дом и трех женщин, что мирно прями под заунывный напев на неизвестном ей языке. Но в этот напев стали вплетаться другие звуки, металлический лязг, свист стрел, крики. Женщины вскочили, в панике выбежали на улицу. Там царил хаос.

Паучиха в очередной раз насадилась на фаллос, замерла, прижалась к Лионзе своим пышным телом и наконец-то начала кончать. Лионза чувствовала мощнейшую пульсацию, расходящуюся по телу её любовницы, она испытывала этот мощнейший всплеск наслаждения вместе с ней. Шнуры на члене и шее ослабли и Лионза наконец с криками выпустила мощную струю семени йети в чавкающую вагину матери-паучихи. Мир стал красным и горячим, словно Лионза попала в самое жерло вулкана.

Паучихи рухнули на землю одновременно. Путы их повисли и ослабли. Лионза встряхнулась и шнуры попадали на пол. Лионза упала вслед за ними, ударившись ягодицами. Ничего, это всего лишь пара синяков. Ещё один теперь на шее, там где её стягивал шнур. Лионза подобрала амулет и гибкий меч. Паучихи были живы, хоть и обессилены. Нужно было закончить дело.

Лионза взяла в руку амулет.

— Великие боги-близнецы, разные и единые в одном теле... — начала она молитву. Её голос дрожал.

— ... те, что соединились в драконе, чтобы даровать свет... Драган и Драга... брат и сестра... В её горле пересохло, суккуба душили сухие рыдания.

... — явите свою милость к этим несчастным!

Медальон блеснул вспышкой, паучих охватило пламя, они закричали, корчась от боли. Через

мгновение на их месте были небольшие кучки черной золы.

Лионза плакала, уткнувшись в шкуру Раксена. Он сидел на задних лапах и иногда лизал её лицо горячим шершавым языком.

— Понимаешь, — говорила она, давясь слезами, — они были обычные женщины, жили в деревне недалеко отсюда. Занимались ткачеством. Вдова и двое дочерей...

Лионза снова уткнулась в шкуру леопарда.

— На деревню напали монги, они побежали прочь. Но те не оставали. Перед ними был монастырь. Монги хоть и нелюди, но монастыри и храмы никогда не трогают... Понимаешь, никогда... Они суеверные. И эти женщины просили монахов впустить их. Кричали, умоляли... Но те просто молча смотрели... Смотрели, как монги их догнали и потом...

Лионзу снова накрыл приступ рыданий.

— Но перед смертью они проклинали эти горы и этот монастырь. И так велика была сила проклятия, что они вернулись годы спустя в обличье ужасных демониц...

— Ты, словно, впервые сталкиваешься с подобным — сказал Раксен, — за столько лет пора уже привыкнуть.

— Я не хочу привыкать. Не хочу! Если я привыкну к подобному, считай, что я умерла! Они ещё долго сидели в молчании. Леопард хоть и был нытиком и брюзгой, но в такие моменты умел молчать и дать хозяйке выплакаться. Наконец Лионза утерла лицо и встала.

— Может, ты прав? Пошли эти драконьеры куда подальше?

Раксен фыркнул и ответил:

— Садись, нам пора домой.